

11.02.03. Мещеряков (прин. к газ. Весёлый). - Калуга. - 2003 - 14 февр. (кад.). - с. 7

Коровин Константин

К.А.Коровин. Зимние сумерки. 1916 г.

Формула мгновения

Владимир ОБУХОВ

«Искусство без мысли...» Такое нелепое и безапелляционное определение дал живописи Константин Коровин некто В.А.Симов. Между прочим, тоже художник, причем подававший в молодости немалые надежды. И ведь не только он оценивал так коровинское искусство. У Коровина изначально была репутация ярко-талантливого, но беззаботного и легковесного маэстро, который картины пишет, как соловей песни поет. И уж никак не мыслителя.

А ведь и впрямь - и жил, и работал Коровин чуть ли не бездумно. Кое-как кое-чему научился в юности у Перова и Саврасова, а потом побывав в Париже, влюбился, словно в женщину, в новейшую французскую живопись. И неприметно для себя стал импрессионистом. Именно так - неприметно. Во всяком случае о том, что он художник-импрессионист, Коровин, похоже, впервые узнал от императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, когда эти коронованные особы посетили передвижную выставку 1891 года. Факт, кстати сказать, весьма примечательный: в ту пору власть имущие, как ни странно, неплохо разбирались в искусстве...

А сама его живопись! Совершенно, казалось бы, непродуманная, совершенно небрежная. Вот передо мной великолепнейшая коровинская картина из собрания нашего художественного музея - «Зимние сумерки». Ни тебе «рисунка», ни тебе «нюансов». Мазки наложены по принципу тят-ляп. Широкие, жирные, они, кажется, все еще ворочаются на холсте. И хорошо помнят об энергичных движениях так непринужденно разбросавшей их кисти.

Разумеется, такая живопись воспринимается прежде всего как воплощение разнообразнейших эмоций, текучих, почти неподдающихся словесному выражению. И это уже само по себе немало. Но и не слишком много: в деле выражения собственных чувств великому Коровину может составить конкуренцию любой талантливый

ребенок, овладевший начальными навыками живописания.

Пожалуй, все-таки искусство Коровина не совсем уж «без мысли». Хотя, конечно, картины свои писал он без каких-либо особенных задумок, не мудрствуя лукаво. Тем не менее в ходе художественной работы он вынужден был решать задачи, которые и поныне только лишь пытается разрешить философия.

Ведь чем, собственно, занимался на протяжении всей своей жизни художник-импрессионист Коровин? Он, скажем так, ловил мгновение: живописал мгновенные впечатления от мгновенных состояний мира. Занятие, казалось бы, абсурдное: мгновения - не бабочки-махаоны, к холсту и бумаге их не приколешь.

Понятно ведь, что любая картина, даже если ее автор - мастер живописной скорописи, создается не сразу. Даже для того чтобы один единственный мазок на холст нанести, требуется отнюдь не одно мгновение. А это значит, что отнюдь не одно мгновенное состояние мира успеет предстать перед художником, пока он нанесет этот мазок. Так сколько же всего разного произойдет вокруг этого ловца мгновения по мере возникновения картины!

И тем не менее, глядя на «Зимние сумерки», я, зритель, явственно ощущаю и почти инстинктивно понимаю, что это именно запечатленная мгновенность: мгновенное - состояние. А это означает, что Коровин вовсе не фиксирует, подобно фотоаппарату, мгновение, а, пусть почти бессознательно, пусть

интуитивно, выстраивает ее живописную формулу. Иначе говоря, конструирует образ мгновения.

Собственно, делает он это уже в силу того, что освоил и пользуется системой приемов импрессионистической живописи. То есть владеет (причем блистательно) неким алгоритмом, и потому его интеллектуальные действия оборачиваются почти что автоматизированными операциями. А тем не менее решения художественных задач всегда оказываются правильными.

Коровин, как всякий импрессионист, использует технику раздельных мазков - смешение красок происходит не только на мольберте, но еще и «в глазу» зрителя. Живописный образ словно бы двоится - то это мезиво грубо наложенных и, казалось бы, вполне самостоятельных мазков, то живое, целостное, единое изображение.

Более того, изображение это оказывается легким, воздушным: даже то, что должно быть тяжелым и массивным, трактуется как пространственное. Опять же раздвоение: акцентируемые художником качества красок, не отрываясь от этих самых красок, вместе с тем контрастны им.

Все живописное «тесто» достаточно однородно и воспринимается как быстрый красочный поток. Быстрый и непрерывный. Быстрый и прерывистый. Однородность меси-ва относительна. Но относительна и самостоятельность ее составных частей.

Получается, что все, что бы ни изображал художник, равно и не равно самому себе. Вот девушка, сидящая в задумчивости у морозного синего окна. Но стоит поближе подойти к картине и рассредоточить внимание, как изображение рассыпается на некоторое количество динамичных мазков. Зритель чуть отступает назад - и снова перед ним милая девушка, окно, сумерки...

Но такое «равенство - неравенство» и составляет суть становления, принцип временного движения. Как прекрасно и точно сказал Гераклит Эфесский, «в одну и ту

же реку мы входим и не входим, существуем и не существуем». Во всякое мгновение нашего существования мы, действительно, равны самим себе, но во времени, в потоке сливающихся воедино мгновенных непрерывно превращаемся в нечто «иное», в нечто «другое». Славный и талантливый мальчик Адольф Шикльгрюбер странно и страшно обращается в Адольфа Гитлера, изверга рода человеческого. Смелый, но незадачливый офицер Лев Толстой вдруг становится бородачом-писателем, проповедующим новую веру и выискующим смысла жизни. И давно уже нет, видимо, на земле девушки, которая сидела когда-то у окна и любовалась на зимние сумерки, на пестрый букет...

То, что изобразил Коровин, - это застывшее движение, воплощенное «равенство - неравенство». Это и есть мгновение. Я бы сказал - живое мгновение. Потому как оно ни в коей мере не сводится к мертвому «ничто», к нулю. Да иначе, пожалуй, и быть не может. Ведь если бы каждое отдельное мгновение было равно нулю, то и их сумма была бы равна нулю. То есть и жизнь оказалась бы тождественна пустоте, безмерному Ничто. То есть - смерти.

Нет, согласимся все-таки с Константином Коровиным: мгновение - это зыбкая, трепетная грань между прошлым и будущим. Она включает в себе и все мироздание, и всю нашу жизнь (живем-то мы не вчера и не завтра, а только теперь). Впрочем, можно дать и более точное определение мгновения: это тот минимальный отрезок времени, на протяжении которого мир не успевает переменить ни одну из своих характеристик. Это минимально Нечто. Минимальное существование. Минимальная жизнь.

«Остановись, мгновенье. Ты прекрасно!..» Эти слова Гете, не без издевки, вложил в уста ослепшего, обманутого дьяволом умника и гордеца. И все же, действительно, мгновения по самой сути своей прекрасны. Поскольку прекрасна - и ужасна! - жизнь...

Мещеряков
7

Во всей красе

№ 2 (51)
14 февраля
2003 г.